

УДК 821.161.1

Чернов А.Н.*(г. Москва)*ФИЛОСОФСКАЯ И МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРОЗЫ
ГАЙТО ГАЗДАНОВА (РОМАН «ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДДЫ»)

Аннотация. Статья посвящена раскрытию нестандартного проявления в прозе Г.И. Газданова религиозных идей, мифов, философских концепций. Указано на соотношение с философией Платона, Ф. Ницше, М. Элиаде, экзистенциалистов, найдены аллюзивные параллели с христианскими, буддийскими, древнегреческими текстами. В авторском художественном преломлении они так или иначе связаны с мотивом возвращения, который тотально организует повествование, обнаруживается на всех формально-содержательных уровнях. Сделано заключение о том, что в поздних произведениях писателя выбор возвращения обретает положительный модус, а одноименный мотив манифестирует онтологический смысл вечного бытия.

Ключевые слова: философская основа, мифологическое ядро, аллюзия, контекст, мотив возвращения, возвращение к жизни, пробуждение.

A. Chernov*(Moscow)*PHILOSOPHICAL AND MYTHOPOETIC BASIS OF GAJTO
GAZDANOV'S PROSE (THE NOVEL "BUDDA'S RETURN")

Abstract. The article reveals non-standard religious, mythological and philosophical concepts of Gajto Gazdanov's prose. The author declares intimate parallels between Gazdanov's novels and Plato, F. Nietzsche, M. Eliade, existentialists ideas, Christian, buddhistic, ancient Greek texts. The texts in one way or another are related with the return motif in Gajto Gazdanov's interpretation. The return motif totally arranges the narration and it shows itself in different ways. The author of the article comes to a conclusion that the return motif declares ontological sense of eternal existence.

Key words: philosophical basis, mythological kernel, intimation, context, return motif, return to life, awakening.

Неординарную загадочную прозу Г.И. Газданова (1903–1971) невозможно однозначно идентифицировать с известными художественными традициями или рассматривать в академических границах тематики, метода, направления. Её называют мистериальной [16, с. 179], эзотерической [1, с. 66], сакральной [17], фантастической [10, с. 172],

иррациональной [15], мифологической [23, с. 98] и философской [18, с. 200; 9, с. 78]. И самого «писателя, странного и до сих пор неразгаданного» [20, с. 5], трудно отнести к какому-либо определенному течению, литературной группе.

Безусловно, мифопоэтическая и философская основа характерна для всех произведений Газданова, а учитывая, как многообразно и нестандартно преломляется она в текстах, можно понять, почему исследователи и критики называют их экзистенциальными, мистериальными, ирреальными и так далее.

О мифологической основе газдановской прозы говорили В.А. Боярский, В.М. Жердева, И.Р. Кузнецов, Ю.Р. Нечипоренко и другие [3; 4; 7]. «Проза Газданова, – пишет Юрий Нечипоренко, – является традиционной и не претендует на мистику, но по сути своей традиция, на которую он опирался, связана с глубокой архаикой. А там, где архаика, естественно обнаружить мифологическое сознание со следами мистики и первобытной магии» [16, с. 185]. Учёный считает, что писатель нашел адекватный способ повествования и называет его – «мистериальным» [16, с. 185].

Одним из произведений, в котором наиболее плотно сконцентрированы мифологические и философские аллюзии, является роман «Возвращение Будды» (1949 г.). В нём, утверждают исследователи, воплощаются «религиозно-философские категории жизни и смерти, космоса, времени и пространства» [6]. Мифологическое ядро романа – тому подтверждение, оно обуславливает структуру и содержание повествования и непосредственно связано с архетипом возвращения.

Композиционно-фабульное построение «Возвращения Будды» определено религиозными идеями буддизма и христианства. Некоторые исследователи скрупулезно проверяют каждый из эпизодов романа на предмет их соответствия жизнеописанию Будды Гаутамы [12]. Не вдаваясь в детали, укажем на аллюзивные параллели. Во-первых, три видения Будды – старость, болезнь и смерть – переживаются и героем Газданова: это собственная смерть; видение старухи, которое переживается как старость и смерть; непрекращающиеся приступы болезненных мучительных состояний нарратора. Затем очень важная параллель с Катрин (соответствует жене принца Сиддхартхи): начало «отвлеченных ужасов» [5, с. 203] совпадает с моментом, когда герой покидает Катрин.

Что же тогда следует понимать под «возвращением»? С одной стороны, «это своего рода возвращение обратно, в сансару, в круговорот рождений и смертей, возвращение в мир живых» [12]: «А может быть,

мне суждено проснуться однажды утром или однажды ночью, забыть об отвлеченных ужасах и начать жить так, как жил раньше и как должен был жить всегда» [5, с. 203].

Однако у Газданова дан другой итоговый вариант. Блуждания, переходы от одного состояния к другому, встреча с Павлом Александровичем Щербаковым как обретение духовного учителя, беседы с ним ведут героя к сатори (просветлению), а испытав его, он становится олицетворением Будды (пробужденным, просветленным). Таким путём герой возвращается не только к своей возлюбленной, но и к здоровому – физическому и духовному – состоянию, что делает его способным к преображению. Поскольку жизнь героя – это движение по направлению к Катрин, которая обладает качествами абсолюта, божества (в тибетском буддизме – божества-хранителя, идама), является символом чистоты («вечно чистая»), святости и покоя, то путешествие героя становится путём в нирвану, «к которой мы были ближе, чем это нам казалось» [5, с. 206], к избавлению от фатальности перерождений, к идеальному покою. Встречей с Катрин продиктован отъезд в Австралию, который маркирован у Газданова значением освобождения, иной жизни (такой мотив – в центре рассказа «Черные лебеди», 1930 г.).

Христианская догматика рассматривает истинную жизнь человека как «возвращение к Богу, исцеление немощной природы» [13, с. 155]. Мотив возвращения в потерянный рай гармонично вписывается в традицию мировой литературы, и классический пример тому – поэмы Джона Мильтона – «Потерянный рай» (1667 г.) и «Возвращенный рай» (1670 г.). Не случайно и обращение нарратора в начале и конце романа Газданова к «Страшному Суду» Микеланджело [5, с. 168, 247]. Центральный же его эпизод – процесс в Центральном Государстве – может быть прочитан как сцена Страшного суда, а Страшный суд в христианской эсхатологии – непосредственное преддверие жизни будущего века, «жизни в свете Царствия Божия» [22, с. 201], где нет «ни болести, ни воздыхания» [5, с. 205].

Так, и эпизод в Центральном Государстве, и весь романский путь газдановского героя сквозь собственный деструктивный и макабрический внутренний мир, через страдания – к осознанию своей низости и ущербности, к преображению может быть интерпретирован в контексте христианского Откровения. Нам представляется также возможной аллюзия на «Процесс» Кафки, где абсурдный суд над Йозефом К. осмыслен как «огромный страшный процесс» [8, с. 21], или на «Приглашение на казнь» Набокова, в которых преломляются эсхатологические мотивы. Одна из очевидных интерпретаций набоковского романа – «отзвук

собственно апокалиптической катастрофы» [26, с. 634] перед возвращением к изначальной гармонии.

Семантика образа Катрин сближает буддийскую и христианскую мифопоэтику. Так, автор характеризует её голубым цветом и напрямую, и ассоциативно. Например: голубая табличка на двери ее дома; голубое платье двойника Катрин – Лиды. В христианской традиции голубой цвет «означает божественную премудрость, <...> он есть символ духа истины, <...> обнаружение любви и премудрости» [28, с. 556]; это цвет Божьей Матери, её непорочности и чистоты, а в широком смысле – знак божественности и святости. Стоит заметить, что в буддизме этот цвет соотносится с категориями обширности, безграничности и даже вечности, представляет мудрость Дхарма-Даты как неразрывного единства интеллекта и Вселенной [11, с. 357; 30, с. 12].

Буддийский контекст (например, «Джатака о пустыне», «Джатака о змее», «Джатака о согласии») позволяет нам обнаружить в композиции романа элементы «джатаки» – особого жанра назидательного рассказа о прошлых перерождениях в жизнях боддхисаттв¹ – и «излюбленный в древнеиндийской литературе принцип обрамления» [27, с. 769]. Традиция христианского повествования говорит о композиционной и сюжетной близости жанру притчи. Наибольшее число контекстных соответствий находим в Притче о блудном сыне [19, с. 117].

В религиозном истолковании уход из дома отца, растрата наследства и нравственное падение означают пренебрежение волей создателя, его заветами; как следствие предательства и грехопадения – потеря дарованной благодати, утрата перводанного образа и подобия, жизнь в страданиях. Напротив, возвращение в отчий дом обещает избавление от греха, обретение духовного знания и жизнь, полную благодати. Нарратор в «Возвращении Будды» контрапунктом повторяет ключевые этапы судьбы притчевого персонажа. В притче покидание отечества равнозначно смерти: «<...> сын мой был мертв <...>», – слова отца, и газдановский герой будто повторяет их: «Я умер <...> в одно из первых лет моего пребывания за границей» [5, с. 125].

В реальном плане повествования герой-эмигрант мучительно переживает разлуку с родиной, а будучи одержим душевным недугом, находится во власти химер и неконтролируемых видений, в частности, смерти, о которой говорит и которую переживает отнюдь не физически, а как гибель личности и духа. До переломной встречи с Щербаковым он не имеет материального достатка и даже нищенствует. Живёт «распутно» (по евангельскому определению), что легко угадывается в

¹ Очередная ипостась Будды на Земле.

запретной связи с Лидой, по сути, падшей женщиной, содержанкой Щербакова, хотя герой и переживает о прелюбодеянии в навязчивых видениях.

Как и в Притче о блудном сыне, удручающее душевное и физическое состояние героя, достигнув апогея, мистически прекращается. Он получает наследство, что в притчевом подтексте означает восполнение утраченного щедростью благодати Создателя. Нарратор избавляется от недугов, кошмаров, бредовых воплощений и смертей и начинает путь по направлению к Катрин, возвращаясь в потерянный рай, покой, свет и чистоту.

Безусловно, религиозные предпочтения автора не сводимы к одному учению или культуре [24, с. 191]. Л.В. Сыроватко отмечает почти полное безверие его героев [5, с. 667–668], религиозный буддийский и христианский пафос в романах намеренно снижен. Так, статуэтка Будды с выражением экстаза на лице, характерном скорее для возрожденческих изображений Христа и святых, едва ли не прямо названа кошунством [2, с. 205–206].

Кроме христианской и буддийской концепции возвращения к первоначалу, в толковании газдановского текста можно учесть и античное эсхатологическое представление о ряде последовательных разрушений и возрождений людского рода [31, с. 56]. Так, в контексте романа акцентировано ожидание возвращения Золотого века, символ которого угадывается в статуэтке *Золотого* Будды, указавшей на реальное и метафизическое спасение героя. Она отсылает ещё к одной истории с похищением и возвращением священного предмета, в которую на мифологическом уровне вовлечены персонажи романа. Это миф о Золотой ветви, описанный Джеймсом Фрэзером в одноименной книге. Тайственная ветвь «заклучала в себе жизнь бога и его собственную (жреца и одновременно супруга богини – Ч.А.) жизнь» [29, с. 743]. Следовательно, потерявший ветвь подвергал опасности божество и, в первую очередь, свою жизнь. Последним и бессрочным владельцем Золотого Будды оказывается главный герой, именно он становится причастным божеству, уехав к Катрин (Фрэзер резонно называет Диану «Царицей небесной» [29, с. 743]). Таким образом, проявляется смыслообразующая линия в повествовании: ветка была в самом начале романа, когда герой, падая со скалы, судорожно держался за неё оцепеневшими пальцами – в ней заключено было его спасение.

Тревожные и опасные путешествия главного героя по запутанному собственному внутреннему миру вписываются в ещё одно античное сказание о лабиринте и Минотавре. Хаотичны его блуждания в лаби-

ринте парижских улиц, что сопровождалось приступами душевного расстройства: «Где и когда я мог видеть нечто похожее на тот воображаемый лабиринт, куда меня повлекло властное движение моего безумия?» [5, с. 155]. «Нитью Ариадны» во всех наваждениях лабиринта было воспоминание о Катрин, её голос. А в эпизоде с лабиринтом Центрального Государства спасительная нить приобретает вид той самой голубой таблички на двери её дома, к которой возвратился повествователь.

Определяя истоки древнегреческого представления о цикличной смене эпох, Мирча Элиаде пишет: «Теория циклов возникает при Гераклите, который имел огромное влияние на учение о Вечном возвращении» [31, с. 64]. Важно заметить, исследователи сделали вывод, что Мирча Элиаде сводит все архаические мифологические представления народов мира к «Мифу о вечном возвращении»: «В этом отношении архаические мифы и ритуалы, связанные с сакральным временем и пространством, можно, очевидно, сблизить с ностальгическими воспоминаниями о «земном рае» и о «данной в опыте» вечности, которая, как полагает человек, может быть доступна ему даже сейчас» [32, с. 319]. Не менее важно и то, что они указали на родство мистического опыта и культурологических воззрений Мирча Элиаде и Гайто Газданова [10].

Мотив возвращения, структурирующий газдановский роман, безусловно, имеет философскую, религиозно-мифологическую основу и в античных, и в современных представлениях об отражении реальности в сознании человека: «мир состоял <...> из вещей и ощущений, которые (он – А.Ч.) узнавал, – так, как если бы (он – А.Ч.) когда-то давным-давно уже испытал их и теперь они возвращались бы (к нему – А.Ч.) точно из потерявшегося во времени сна» [5, с. 128]. По Платону, человек способен созерцать в видимости вещей лишь призрачное отражение идей, он лишь «припоминает» то, что видел когда-то, находясь в идеальном мире, тем самым идентифицируя себя и окружающие явления с неземным подлинником: «Припоминать то, что там, на основании того, что есть здесь, нелегко любой душе: одни лишь короткое время созерцали тогда то, что там; другие, упав сюда, обратились под чужим воздействием к неправде и на своё несчастье забыли всё священное, виденное ими раньше» [21, с. 159]. Таким образом, человек обречён на метафизическое воспоминание о невидимой, но истинной реальности.

Возможно также говорить о своего рода контаминации с идеями Ф. Ницше, которые, как указывают исследователи, «оказали сильное влияние на раннее творчество писателя» [14]. Мы видим более продолжительное их влияние. В философско-поэтической книге «Так говорил Заратустра» Ницше передаёт чувство отчаяния при мысли, что худшие

люди должны будут вернуться. Но и сам учитель «Вечного Возвращения» будет «вечно возвращаться к той же самой жизни в большом и малом» [25]. Далее мыслитель начал подозревать, что внутри круга нет иных «Я», кроме его собственного, что все остальные – это он сам, спроецированный игрой зеркал [25].

Употребленная Ф. Ницше метафора об игре зеркальных отражений находит фактическое воплощение в одном из очередных видений героя: сплестясь воедино с телом Лиды, он наблюдает за бесчисленным повторением этого сплетения в зеркалах, их окружающих, и, наконец, перестает идентифицировать себя отдельно от Лиды, являясь одновременно и ею, и собой, и ещё кем-то – сверхнаблюдателем [5, с. 178–179].

Нетрудно обнаружить, что в своих произведениях (романы «Возвращение Будды», «Призрак Александра Вольфа», «История одного путешествия», рассказы «Черная капля», «Последний день» и другие) писатель рассматривает все основные вопросы экзистенциализма. Но, хотя Газданова и считают идейно близким писателям-экзистенциалистам, в частности, Ж.-П. Сартру и А. Камю, он в своём творчестве далек от сартровского принципа «случайности», его герои «все время находятся перед выбором, они свободны, но их выбор не всегда удачен, а порой и трагичен» [18, с. 199], фатально ведёт к смерти, либо может быть антиномичным, парадоксальным. В поздних, послевоенных произведениях выбор возвращения обретает положительный модус. Представляется справедливым вывод О.М. Орловой о том, что Газданов «перестал принимать смерть как нечто всеобъемлющее, окончательное и определяющее всю человеческую жизнь, перестал верить утверждению: всякое направление движения в жизни – есть лишь направление к смерти» [21, с. 244]. Так, в романе «Пробуждение» (1965) интенция автора находит выражение в категориях позитивных и жизнеутверждающих (пробуждение к жизни, душевное и физическое здоровье, возвращение утраченного покоя и счастья, преображение, обретение первоначальной истины); мотив возвращения, по преимуществу, манифестирует онтологический смысл вечного бытия: «Ему представлялась жизнь <...> как его личная борьба против болезни и в конечном итоге против смерти. Победа над ней казалась ему единственным действительно важным долгом человека, <...> теперь всё в мире приобрело для него новое значение. Он был избавлен наконец от того тягостного чувства бессмысленности окружающего», а земной путь человека в целом Газданов недвусмысленно называет «пробуждением или возвращением к жизни» [5, с. 452, 466–467, 487].

Литература:

1. *Борев Ю.Б.* Заметки о Газданове // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 62–66.
2. *Боярский В.А.* Поэтика прозы Гайто Газданова 1940-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2003. – 31 с.
3. *Боярский В.А.* Поэтика прозы Гайто Газданова 1940-х годов: дис... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2003. – 254 с.
4. Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения: Материалы и исследования / Сост. М.А. Васильевой. – М.: Русский путь, 2000. – 308 с.
5. *Гайто Газданов.* Собрание сочинений в трех томах. – Т. 2. Призрак Александра Вольфа. Возвращение Будды. Пилигримы. Пробуждение. Эвелина и ее друзья. – М.: Согласие, 1996. – 800 с.
6. *Дарьялова Л.Н.* «Возвращение Будды» Г.Газданова и «Возвращение Будды» Вс. Иванова: опыт художественной интерпретации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrono.ru/statii/2001/dar9.html> (дата обращения 20.02.2013).
7. *Жердева В.М.* Экзистенциальные мотивы в творчестве писателей “незамеченного поколения” русской эмиграции (Б. Поплавский, Г. Газданов): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 215 с.
8. *Кафка Ф.* Процесс. Замок. Новеллы и притчи. Афоризмы. Письмо отцу. Завещание. – М.: НФ Пушкинская библиотека, 2004. – 880 с.
9. *Кондаков И.В.* «Сквозь туман и расстояние...» Гайто Газданов: у истоков русского постмодернизма в изгнании // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. Сборник научных трудов. – М., 2005. – С. 74–96.
10. *Кузнецов И.Р.* Подлинная реальность Гайто Газданова и Мирчи Элиаде // Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения: Материалы и исследования. – М.: Русский путь, 2000. – С. 169 – 179.
11. *Купер Дж.* Энциклопедия символов. Книга IV. – М.: Золотой Век, 1995. – 401 с.
12. *Куталов К.* О некоторых особенностях прозы Газданова на примере романа «Ночные дороги» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrono.ru/statii/2001/gazdan14.html> (дата обращения 20.02.2013).
13. *Лосский В.Н.* Очерки мистического богословия Восточной церкви. – М., 1991. – 288 с.
14. *Мартынов А.* Вечное возвращение по ночным дорогам. Гайто Газданов как читатель Ницше [Электронный ресурс]. – URL: http://www.darial-online.ru/2003_5/martinov.shtml (дата обращения 3.02.2013).
15. *Мокрова М.* Иррациональное начало в творчестве Г. Газданова и Б. Поплавского [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrono.ru/text/2008/mok1108.html> (дата обращения 20.02.2013).
16. *Нечипоренко Ю.Д.* Таинство Газданова // Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения: Материалы и исследования. – М.: Русский путь, 2000. – С. 179–187.

17. *Неципоренко Ю.Д.* Сакральное и профанное в творчестве Газданова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrono.ru/statii/2001/gazdan09.html> (дата обращения 11.01.2013).

18. *Никоненко Ст.С.* Гайто Газданов: проблема понимания // Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения: Материалы и исследования. – М.: Русский путь, 2000. – С. 194–205.

19. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – Милан, 1996. – 767 с.

20. *Орлова О.М.* Гайто Газданов. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 275 с.

21. *Платон.* Собрание сочинений в 4-х томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.

22. *Помазанский М.(Прот.).* Догматическое Богословие. – Клин, 2001. – 352 с.

23. *Попов И.А.* Ремизов и Газданов: мифологическое сознание // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 94–101.

24. *Сапрыкин Д.Л.* Рассказ Газданова «Панихида» и религиозные корни творчества // Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения: Материалы и исследования. – М.: Русский путь, 2000. – С. 187–194.

25. *Серрано М.* Ницше и вечное возвращение [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/serrano/> (дата обращения 20.02.2013).

26. *Сконечная О.* Комментарии к роману Набокова В.В. «Приглашение на казнь» // Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. – Т. 4. – СПб.: Симпозиум, 2002. – С. 603–634.

27. *Сыроватко Л., Никоненко Ст., Диенеш Л.* Комментарии к Т. 2 Собрания сочинений Гайто Газданова // Гайто Газданов Собрание сочинений в трех томах. – Т. 2. – М.: Согласие, 1996. – С. 754–798.

28. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. – М.: Лепта, 2002. – 814 с.

29. *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. – М., 2003. – 781 с.

30. *Цултэм Н.* Монгольская национальная живопись «Монгол Зураг». – Улан-Батор: Госиздательство, 1986. – 192 с.

31. *Элиаде М.* Аспекты мифа. – М., 2005. – 224 с.

32. *Элиаде М.* Трактат по истории религий: в 2 т. – Т. 2. – СПб., 2000. – 394 с.